

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2022.3.35.3

УДК 378 | ББК 74.48

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ МИРОВОГО КЛАССА: ВРЕМЯ РАДИКАЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatskij@fa.ru
ORCID: [0000-0002-3371-2229](https://orcid.org/0000-0002-3371-2229); ResearcherID: [D-8752-2018](https://orcid.org/D-8752-2018)

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: naekimova@fa.ru
ORCID: [0000-0001-6873-7146](https://orcid.org/0000-0001-6873-7146); ResearcherID: [D-8643-2018](https://orcid.org/D-8643-2018)

Статья посвящена раскрытию концепции мирового рынка университетов и обоснованию необходимости отказа от лежащего в ее основе понятия университета мирового класса (УМК). Показано, что в 2022 году из-за усилившейся глобальной геополитической турбулентности мировой рынок университетов начал дробиться на локальные (региональные) сегменты, а достигнутый в предыдущие два десятилетия консенсус в отношении критериев передовых университетов был окончательно нарушен. Отмечается, что усугубившееся в 2022 году противостояние Запада и Востока привело к разрушению монополии США на рынке высшего образования и превращению гомогенного рынка университетов в гетерогенный, для которого понятие УМК теряет прежний смысл. Во многом это связано с отрицанием прежней роли глобальных рейтингов университетов, которые стали совершенно нерелевантны в условиях международных санкций с сопутствующим им феноменом научного ostracism отдельных стран. Показано, что система международных рейтингов университетов ведет к формированию эффекта ложного престижа, когда научные достижения США и Европы неправомерно завышаются, в том числе за счет навязывания ложных идеологем и мифологем относительно прогрессивных организационных моделей университетов. В качестве альтернативы УМК предлагается понятие университета высшего класса (УВК), которое основано на максимально тесной связи вуза

с высокотехнологичными секторами национальной экономики посредством его участия в научно-исследовательских и производственно-экспериментальных проектах передовых компаний страны. Показано, что новое понятие и принятие в качестве цели модернизации системы высшего образования России построения множества УМК ведет к революционным изменениям в организационной модели отечественных вузов. Рассмотрены наиболее важные аспекты в сфере кадровой политики при создании УМК.

Университет мирового класса, глобальные рейтинги университетов, мировой рынок университетов.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства Российской Федерации Финансовому университету на 2022 год по теме «Формирование в России университетов мирового класса с целью повышения глобальной конкурентоспособности российского высшего образования».

Введение

Мировую политику в области университетского образования в последние десятилетия захватила идея построения глобальной иерархии вузов с университетами мирового класса (УМК) в качестве высшей позиции в ней.

Еще в конце прошлого столетия в разных странах началось активное выдвижение инициатив по достижению выдающихся результатов в сфере высшего образования и построению УМК с помощью специальных государственных программ. Первая из них, по созданию сети центров выдающихся достижений, стартовала в Канаде в 1989 году. Постепенно к этому движению присоединялись разные страны по всему миру: 1991 год – Дания, 1995 – Финляндия, 1996 – Китай, 2002 – Япония, 2003 – Австралия, Норвегия, 2004 – Южная Корея, 2006 – Германия, Сингапур, 2007 – Япония (до 6,4 млн долларов на каждый центр в год), Сингапур, 2008 – Франция, Нигерия, 2009 – Испания, Таиланд, 2010 – Израиль, 2012 – Россия (Салми, Фруммин, 2013). За этими проектами стояло многомиллиардное финансирование, направленное на построение в этих странах конкурентоспособной университетской системы на глобальном рынке высшего образования.

Вместе с тем до сих пор нет полного понимания, что такое УМК. Для него нужны строгие критерии, в отношении которых в

научном сообществе консенсус так и не достигнут. В связи с этим в статье поставлена цель изучить существующие трактовки УМК и рассмотреть их содержательное определение, особенно в контексте происходящей в мире геополитической инверсии. Как следствие указанной цели – сформулировать альтернативную концептуальную основу для исследования мирового рынка университетов (МРУ), являющуюся более адекватной современности по сравнению с концепцией УМК.

Понятие «университеты мирового класса» и критерии их идентификации

Пожалуй, первое и заведомо упрощенное понимание УМК восходит к Чарльзу Уильяму Элиоту (Charles William Eliot), возглавлявшему в 1869–1909 гг. Гарвардский университет (Harvard University), который полагал, что для построения УМК необходимо 50 млн долларов и 200 лет. Однако вскоре Чикагский университет (University of Chicago) на собственном примере опроверг это утверждение, доказав, что достичь мирового уровня за такие деньги можно всего лишь за два десятилетия (Altbach, 2004).

Ранние современные трактовки УМК опирались на индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index), использовавшийся учебными заведе-

ниями для привлечения платных студентов как одного из источников самофинансирования, а также как индикатор интернационализации и коммерциализации высшего образования (Batty, 2003).

Начало научному дискурсу относительно УМК положил Филипп Дж. Альтбах (Philip G. Altbach) в 2004 году, указав на то, что «все хотят иметь университет мирового класса... проблема в том, что никто не знает, что такое университет мирового класса, и никто не придумал, как его получить» (Altbach, 2004, p. 20). В своей работе Альтбах наметил критерии, которые, по его мнению, должны лечь в основу идентификации УМК. К их числу были отнесены превосходство в исследованиях; академическая свобода и интеллектуальная атмосфера; эффективность управления университетом на основе самоуправления; инновационное преподавание; передовая инфраструктура для академической работы; долгосрочное адекватное финансирование (Altbach, 2004).

В дальнейшем список базовых характеристик УМК был расширен за счет таких показателей, как высокая квалификация профессорско-преподавательского состава (ППС); качественное обучение; талантливые студенты; эффективная научно-исследовательская деятельность; академическая свобода; наличие инфраструктуры и передового оборудования для обучения и проведения научных исследований; автономность управленческих структур (Khoon et al., 2005; Салми, 2009) и даже таких трудно формализуемых критериев, как вклад в развитие современного общества и независимость в выработке стратегии собственного развития (Alden, Lin, 2004).

Наиболее содержательной, на наш взгляд, является концепция Джамии Салми (Jamil Salmi). Он охарактеризовал УМК как учреждения, превосходные результаты которых достигаются умелым комбинированием и взаимодействием трех ключевых факторов успеха: высокой концентрации талантов среди преподавателей, исследователей и студентов; изобилия ресурсов (финансовых, инфраструктурных и кадровых); эффектив-

ного управления, которое характеризуется наличием сильной команды менеджеров, отсутствием бюрократических преград, академической свободой и стратегическим мышлением (Салми, 2009). В последующие годы к этим характеристикам добавилась еще одна, связанная с более тесным сотрудничеством университетов с бизнес-корпорациями, что позволяет УМК не только генерировать сильное обучение за счет эффектов взаимодействия (Geuna, Muscio, 2009; Perkmann, Walsh, 2009), но и проводить исследования, ценные для экономики (Muscio et al., 2013).

Таким образом, в результате научной дискуссии мировым сообществом были сформулированы четыре ключевые столпа, на которых основаны УМК: исследования; высокое качество образования; связь с обществом через реализацию исследовательских проектов; управление исследованиями и инновациями (Altbach, Salmi, 2011; Cazorla, Stratta, 2017). При этом ведущая роль отводилась исследованиям, в результате чего именно исследовательские университеты (ИУ) научное сообщество стало рассматривать как эталон качества университетов и претендентов на роль УМК (Lavalley, de Nicolas, 2017). Основные характеристики ИУ, претендующих на глобальное лидерство, приведены в исследовании Кэтрин Мурман (Kathryn Mohrman), Ваньхуа Ма (Wanhua Ma) и Дэвида Бейкера (David Baker) и включают в себя миссию, выходящую за пределы национального государства; интенсивные исследования; новую роль преподавателей; диверсифицированное финансирование; новые отношения с заинтересованными сторонами; набор персонала по всему миру; большую внутреннюю сложность и глобальное сотрудничество с исследовательскими университетами в других странах (Mohrman et al., 2008).

Несмотря на многомерность и справедливость приведенных трактовок УМК, основным их недостатком является отсутствие количественной оценки каждого признака, в результате чего они становятся малопригодными на практике. Именно поэтому статус УМК все чаще отождествляется с присутстви-

ем в том или ином глобальном рейтинге университетов, которых на сегодняшний день в мире насчитывается несколько десятков.

Глобальные рейтинги университетов как идентификатор университетов мирового класса

Борьба за мировое лидерство университетов началась с появлением международного рейтингового движения по оценке их деятельности. Построение глобальных (общемировых) рейтингов университетов (ГРУ) берет начало в 2003 году, когда был опубликован первый выпуск академического рейтинга университетов мира Academic Ranking of World Universities (ARWU).

В 2005 году состоялась Первая международная конференция по УМК, организованная Шанхайским университетом Цзяо Тун (Shanghai Jiao Tong University). По ее результатам был опубликован сборник эссе под названием «Университеты мирового класса и рейтинг: стремление выйти за пределы статуса» (Saldak, Liu, 2007), где международные рейтинги признавались тем самым количественным измерителем, который позволяет оценить «выход за пределы статуса» вне рамок субъективности.

С этого момента начинается стремительный рост ГРУ, широкое распространение которых стало возможным из-за охватившей мир глобализации; одновременно появляется мировой рынок компаний-ранкеров – разработчиков рейтингов. Процесс гомогенизации организационной формы науки привел к тому, что рейтинги стали инструментом для измерения и сравнения относительно однородных видов деятельности, обладающих общими свойствами (Huzzard et al., 2017), а рейтинговые соревнования активизировали процесс внедрения глобальных управленческих шаблонов, способствовавших утрате национальной идентичности университетов (Muller, 2018). При этом вузы, возглавившие рейтинговые списки, начали считаться образцом для подражания во всем мире и постепенно обрели статус университетов мирового уровня, под которыми стали понимать вузы, разработавшие модели

управления, не зависящие от государства, а ориентированные на рынки и другие негосударственные заинтересованные структуры, что означает их возможность тиражирования по всему миру (Benner, 2020).

Тренд на большую институциональную автономию университетов на фоне сокращения государственного участия был задан в качестве определяющего и в Европе. Комиссия ЕС ясно дала понять, что без предоставления реальной автономии вузы не станут инновационными и не смогут реагировать на происходящие изменения. Такая формулировка хорошо сочеталась с развитием Болонской системы образования, способствуя ее продвижению и расширению. Для повышения конкурентоспособности и формирования УМК европейским вузам предлагалось направить усилия на наращивание управленческого потенциала путем создания органов, занимающихся университетским менеджментом (Huvönen, 2020). Однако стремление к статусу «мирового класса» путем усиления управленческой составляющей и манипуляций с показателями ГРУ, в результате которого менеджеры получили в свои руки доступные механизмы управления работой ППС университета, способствовало снижению морального духа профессоров, их мотивации заниматься какими-либо видами деятельности кроме исследовательской, понижению качества их работы, а также росту бюрократии, нацеленной на повышение количественных показателей (Walton, 2011; Nixon, 2020).

В результате системный взгляд на высшее образование был ослаблен политикой, а университеты в погоне за рейтинговыми позициями превратились из «академических конкурентов» в «конкурентов управленческих» (Munch, 2013). При этом сами ГРУ стали изображать академическую деятельность как глобальную конкуренцию, идеализируя ведущие американские вузы как образец для подражания, не подвергая сомнению ни политический образ конкуренции, ни связанную с ней «американскую модель» образования (Erkkilä, Piironen, 2020).

В итоге понятие УМК в современном мире превратилось в своеобразный положительный эвфемизм, когда отнесение вуза к разряду «мирового класса» зачастую просто вуалирует агрессивность менеджмента соответствующей организации, ее нечестные методы конкуренции, а порой и «грязные» технологии в достижении определенных результатов.

В то же время ведущая роль ГРУ в формировании общественного мнения об университете и его принадлежности к УМК (Rigoglioso, 2014), признание их безальтернативным способом количественной оценки университетов (Wang et al., 2013) и инструментом, снижающим неопределенность понятия УМК (Huisman, 2008), не решила автоматически проблему их идентификации. Например, возникает вопрос о величине топ-листа ГРУ, характеризующего УМК, а также о том, какие рейтинги из имеющегося разнообразия достоверно идентифицируют данный тип объектов.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки ответить на этот вопрос. Так, французские исследователи Жан-Клод Тонинг (Jean-Claude Thoening) и Кэтрин Парадайз (Catherine Paradeise) определили четыре типа университетов, представленных в ГРУ: лучшие университеты; маститые; подражатели; миссионеры (Thoening, Paradeise, 2016). К первому типу, по мнению авторов, относятся университеты, признанные во всем мире, к которым как раз и применимо понятие УМК. Это верхушка топ-100 ГРУ, представленная 20–30 вузами. Для них характерны большие бюджеты, особенно исследовательские; прорывная инновационная деятельность; активная «вербовочная» работа, направленная на привлечение как ведущих преподавателей со всего мира, так и иностранных студентов. Для этих университетов ГРУ служат инструментом подтверждения их мирового статуса и реализации глобальных амбиций. Таким образом, Ж.-К. Тонинг и К. Парадайз определяют УМК как университеты, представ-

ленные в топ-30 ГРУ, в то время как другие исследователи придерживаются мнения, что критерием отсека УМК является топ-50 (Rider, 2020) или топ-100 (Балацкий, Екимова, 2012; Borjesson, Sea, 2020). Порог топ-100 является наиболее распространенным в исследовательской среде, поскольку обеспечивает достаточно широкий охват университетов, актуален для большего количества стран и в то же время все еще достаточно эксклюзивен, чтобы говорить о превосходстве и элитарности учебного заведения (Börjesson, Sea, 2020).

Одним из основных недостатков рейтингования является то, что представление об определении «университетов мирового класса» рассматривается в рамках глобальной конкуренции за статус, что напрямую зависит от структуры и системы, устанавливающей условия для сравнения (Rider, 2020). Следовательно, ГРУ формируют собственные оценочные критерии и создают различные комбинации УМК. Так, например, ARWU отдает предпочтение североамериканским научно-исследовательским университетам, тогда как QS и THE склоняются к англо-саксонским стандартам образования (Bornmann, Glanzel, 2017). Именно поэтому, отвечая на вопрос о рейтингах, идентифицирующих УМК, Мишель Стэк (Michelle Stack) из Университета Британской Колумбии (University of British Columbia) определяет таковые попаданием в «большую тройку» ГРУ, в которую входят рейтинги Quacquarelli Symonds (QS), Times Higher Education (THE) и Academic Ranking of World Universities (ARWU)¹. Эти же рейтинги были выбраны в качестве ориентиров для российской программы по адаптации университетов к мировым стандартам «Проект 5–100».

Исходя из рейтинговой концепции, нами была сделана попытка дать свое определение УМК, учитывающее масштаб достижений организации и силу ее бренда: университет мирового класса может считаться университетом, получившим широкое международное признание и имеющим первокласс-

¹ Stack M.L. What's 'World Class' About University Rankings? Social Science Space. 13.10.2016. URL: <http://www.socialsciencespace.com/2016/10/whats-world-class-university-rankings>

ные научные результаты по широкому кругу научных направлений (Балацкий, Екимова, 2022а). Подобная трактовка имплицитно сочетает в себе и критерии Джамиля Салми, и количественную оценку УМК, поскольку «широкое международное признание» аппроксимируется фактом вхождения вуза в топ-100 хотя бы одного из авторитетных ГРУ, а «первоклассные научные результаты» – фактом вхождения вуза в топ-50 предметных рейтингов университетов (ПРУ) определенной рейтинговой системы (например, QS), «широкий круг научных направлений» – эвристически определяемым числом ПРУ, в которых вуз оказался в списке топ-50.

Последние исследования рейтингов университетов позволили вскрыть глубинные проблемы. Так, анализ Рейтингов УМК за 2017, 2019 и 2021 гг. на основе базового алгоритма их идентификации² показал, что они недопустимо слабо учитывают технологический аспект развития государств (Балацкий, Екимова, 2022а). Например, индекс валидности Рейтинга УМК, учитывающий присутствие стран Ядерного клуба в рейтинговых списках, составляет 43,3%, что меньше критической отметки в 50%. Это свидетельствует, что рейтинги УМК не дают адекватных результатов, не являются релевантными и не могут использоваться в качестве достоверного источника информации. Более того, анализ показывает западоцентричность рейтингов УМК, когда страны Ядерного клуба Запада учтены в них на 100%, тогда как государства Востока – только на треть (Балацкий, Екимова, 2022а). Однако не менее слабо Рейтинги УМК учитывают и общекультурный аспект, когда позор и публичные скандалы, связанные с «проколами» преуспевающих выпускников вузов, выступают в качестве значимого аргумента об их несостоятельности (Балацкий, Екимова, 2022b). Помимо этого, современная методология и практика составления рейтингов университетов порождают не только противоречия между рейтинговыми продуктами разных разработчиков, но и инструментальные коллизии между продуктами одного и того

же ранкера – между ГРУ и ПРУ (Балацкий, Екимова, 2022а). Сказанное окончательно подрывает авторитет набравшего силу рейтингового движения.

Переосмысление понятия «университет мирового класса»

В настоящее время концепция УМК требует серьезного переосмысления. Уже сейчас, как это было показано выше, она подвергается очень серьезной критике с разных позиций. Не стараясь дать исчерпывающую картину существующих критических аргументов, постараемся системно изложить их общую логику.

Прежде всего, само понятие УМК говорит, что в мире имеется некий консенсус относительно того, что это такое. Без признания мировым сообществом некоторых свойств передовых университетов невозможно их измерять и отслеживать, следовательно, нельзя и сравнивать вузы по степени удовлетворения неким пороговым параметрам, чтобы впоследствии победители такого сравнения были признаны в качестве эталонных объектов – УМК, продемонстрировавших превосходство над остальными участниками МРУ. В свою очередь свойства УМК так или иначе связаны с миссией университета как особой организации, выполняющей некие специфические функции, ради которых она, собственно говоря, и существует. Вполне логично, чтобы самописание УМК не противоречило самописанию университета как такового. Однако уже на этом этапе возникают логические и сущностные коллизии. Например, Рональд Барнетт (Ronald Barnett) справедливо отмечает, что идея университета имеет историческую глубину и современную (пространственную) широту. Например, в XIX веке доминировала немецкая философская идея университета как «универсума разума», а позже в английской традиции – как «пространства интеллектуальной свободы» (образования, исследований и т. п.) (Barnett, 2020). Сегодня эти концепты утратили свою актуальность и работоспособность, однако сказать, что на смену

² Рейтинг университетов мирового класса. URL: <http://nonerg-econ.ru/cat/16/201>

им пришла какая-то новая универсальная идея, нельзя. Каждое государство вкладывает свое содержание в понятие университета, тем самым отвергая универсальность его понимания и закрепляя плюрализм самой идеи университета. В таком случае поиск универсальной метрики для оценки успешности университета становится заведомо беспочвенным. И в этой точке следует остановиться подробнее на возникшей ситуации.

Например, Р. Барнетт, говоря об исторической и пространственной контекстуальности самой идеи университета, восстает против тезиса о том, что идея университета – это всего лишь «великий нарратив» истории, теперь она лишена содержания и может быть благополучно предана огню (Barnett, 2020). Однако уже в этом пункте Р. Барнетт противоречит сам себе, приводя множество плодотворных современных идей университета: университет мудрости (Maxwell, 2014), устойчивый университет (Sterling et al., 2014), добродетельный университет (Nixon, 2008), христианский университет (Astley et al., 2004), экологический университет (Barnett, 2017), университет несогласных (Rolfe, 2013) и др. Примечательно, что в более ранней работе он выявил более 50 современных идей университета (Barnett, 2013), которые постоянно дополняются. Причем сама идея университета становится заведомо зависимой от уровня развития страны его расположения, этапа ее эволюционного развития. Вместе с тем из приведенных трактовок университета совершенно очевидна полная бесперспективность столь вопиющего плюрализма для его унифицированного понимания.

Помимо этого, в литературе справедливо подчеркивается, что современный университет «встроился» в социальную систему таким образом, что оказался неразрывно связан с экономикой своей страны и зависим от нее, с цифровой национальной экосистемой и прочими сегментами социальной жизни (Barnett, 2020). Определить уровень достижений университета без оглядки на другие экосистемы, понимаемые в широком смысле слова, нельзя.

Накопившиеся противоречия в понятии УМК уже не могут замалчиваться и скрываться. Совершенно ясно, что консенсус относительно этого понятия нарушен. В связи с этим правомерно задаться вопросом: с чем это связано? Чем это вызвано? И что должно прийти на смену старому понятию?

Постараемся ответить на поставленные вопросы.

Любое понятие, имеющее глобальное звучание, предполагает унифицированную среду (рынок) и интеллектуальный консенсус относительно характеризующих ее параметров, что стало возможно благодаря тотальной глобализации всех рынков в последние 50 лет. Однако именно эти годы были годами безальтернативного лидерства США в мировой геополитической системе. В настоящее время цикл накопления, охватывающий период американской гегемонии, заканчивается (Арриги, 2006; Арриги, 2009а; Арриги, 2009b). Фактически уже сегодня США утратили место мирового центра капитала, однако это место пока не может полноценно занять Китай, претендующий на роль нового гегемона; не может этого сделать и никакая другая страна. Такой период, когда старый центр капитала уже перестал существовать, а новый центр пока еще не начал, в литературе называется периодом геополитической турбулентности или геополитической инверсии (Балацкий, 2014). В такие периоды не только обостряется геополитическое противостояние разных стран, но и рушатся установившиеся ранее нормы и стандарты. Не являются исключением из этого правила и стандарты для передовых университетов.

Как было сказано ранее, все стандарты УМК так или иначе не только продуцировались, но и «проверялись» Западом. Не удивительно, что в этих условиях возникла вполне естественная монополия Запада на определение, что считать УМК. Монополия поддерживалась, прежде всего, нахождением в руках Запада информационных экосистем в виде международных научных баз данных (МНБД). В дополнение к этим информационным платформам действовали методы и алгоритмы западной науки по об-

работке находящейся в его руках информации. Создалась уникальная ситуация, когда университеты всех стран мира, претендующие на международное признание, должны были сначала попасть в информационное пространство Запада в форме МНБД, а потом работать над улучшением указанных Западом показателей своей деятельности. Данные требования в начале XXI века были приняты всеми странами, что способствовало консолидации МРУ и усилению его качественной гомогенности. Во многом именно открытость и унификация всех вузов и являлась целью рейтингового движения. Потребовалось 20 лет, чтобы созданный МРУ начал давать сбои, а международная система рейтингования вузов – трещать.

Первыми о несостоятельности идеи УМК заговорили сами американцы. Так, в книге «Несостоятельная мечта» Джеймс Миттельман, профессор Американского университета в Вашингтоне (American University), указывает, что концепция УМК жизнеспособна только для состоятельного меньшинства стран, которые могут позволить себе то, что требуется для поддержания такого статуса (Mittelman, 2018). При этом сложная иерархия университетов, по мнению автора, определена именно глобализацией, которая всегда характеризуется неравным распределением ресурсов и возможностей (Филиппов, 2019).

Для полномасштабного краха МРУ потребовалось событие, способное принципиально нарушить установившееся равновесие. Таковым стала специальная военная операция (СВО) России на Украине. Политический «демарш» России нарушил глобальные интересы Запада в регионе. Впервые, Россия тем самым разорвала связи с Западом на уровне властных элит и вернула себе политический суверенитет, которого она полностью не имела с 1991 по 2022 год, во-вторых, возникла угроза реинтеграции бывших частей СССР и появления мощного игрока на международной арене, в-третьих, появилась почва для заключения новых политических альянсов России с другими

странами. Реакцией Запада на СВО стала экономическая блокада РФ, включая запрет на экспорт ее углеводородов, импорт западных технологий, а также научный остракизм, предполагающий запрет на вход российских граждан и организаций в мировое информационное пространство. Как следствие этих процессов, Россия лишилась доступа к МНБД, ее вузы перестали учитываться глобальными ранкерами, а ее национальная система университетов выпала из МРУ.

Однако, помимо всего прочего, СВО показала многим странам мира, что их университетские системы явно и преднамеренно недооцениваются Западом. Например, в Индии, Пакистане и Иране нет ни одного УМК, что плохо укладывается в логику технологического развития. Такая система оценки ведет к формированию эффекта ложного престижа, когда научные достижения США и Европы неправомерно завышаются. Причем пик глобализации, имевший место в конце XX и начале XXI вв., закономерным образом усилил эффект ложного престижа США. Например, среди лауреатов Нобелевской премии по экономике в 1969–1999 гг. представителей США было почти 60% (59,5%), а в 2000–2022 гг. – уже почти 90% (88,9%). Даже в области естественных наук этот эффект проявлялся, хотя и гораздо раньше и в меньшем масштабе. Так, среди Нобелевских лауреатов по физике в 1901–1949 гг. представителей США насчитывалась только треть (32,1%), в 1950–1999 гг. – более половины (56,6%), а в 2000–2022 гг. – половина (50,0%). Среди Нобелевских лауреатов по физиологии и медицине в 1901–1949 гг. представителей США насчитывалось 17,9%, в 1950–1999 гг. – почти 2/3 (63,7%), в 2000–2022 гг. – по-прежнему больше половины (52,7%)³. Аналогичным образом в общественном дискурсе фигурирует информация о том, что половина стран мира имеет ВВП меньше, чем эндаумент Гарвардского университета (Harvard University). Это почти мгновенно убеждает людей, что современные УМК сами по себе представляют корпоративную силу, сопоставимую с государ-

³ The Nobel Prize. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences>

ством⁴. Вместе с тем в информации имеет место эффект логического передергивания: ВВП производится страной за один год, а эндаумент Гарвардского университета накапливался почти 400 лет; при этом данный результат характерен только для одного самого богатого университета мира и на пике могущества американского государства, что и позволило Гарварду достичь столь впечатляющих результатов.

Главным же итогом СВО стал процесс сворачивания глобализации, в частности дезинтеграция МРУ. Как среди стран начали формироваться новые региональные альянсы, так и национальные университетские системы стали закрываться от внешних организационных моделей развития. Стало ясно, что единственно правильным направлением модернизации университетов является их максимально прочная связь с национальной экономикой. Начиная с этого момента, можно говорить, что основа для самого понимания УМК окончательно была утрачена. Противостояние Соединенным Штатам таких центров силы, как Иран, Россия, Китай и Индия, уже не может идти на основе взаимной открытости национальных научных и университетских систем. В условиях геополитической турбулентности разворачивается своеобразная конкуренция технологических суверенитетов наиболее сильных государств на фоне военного противостояния Запад – Восток. С этого момента не может быть и речи ни о каком консенсусе относительно доверия к тем или иным рейтингам университетов, следовательно, исчезает сама основа для измерения глобальной эффективности образовательных организаций.

Не будет ошибкой сказать, что глобальная турбулентность и усиление национального политического суверенитета многих стран разрушают две важные глобалистские идеологии или даже мифологии относительно университетов: первая – любой вуз представляет собой частный случай корпорации; вторая – университет по своему статусу равносителен государству и, следовательно,

но, сам выступает в качестве государства в государстве. Ложность первой идеологии становится очевидной из того факта, что любой университет помимо чисто коммерческих задач, характерных для корпораций, решает еще и задачу сохранения академических традиций; именно баланс двух указанных задач составляет главную особенность университета как организации. Ложность второй идеологии стала очевидна после начала СВО, когда все университеты России были автоматически исключены из международного научного пространства только за то, что находятся на территории российского государства – независимо от их статуса и характера деятельности.

Университет высшего класса vs университет мирового класса

Теперь рассмотрим вопрос о том, что должно прийти на смену понятию УМК. Коль скоро мировой уровень перестал быть действенным ориентиром, то он должен быть заменен на что-то более операциональное и адекватное нынешним новым условиям. По-видимому, таковым может стать понятие университета высшего класса (УВК) (Higher Class University), под которым мы понимаем университет, максимально тесно связанный с высокотехнологичными секторами национальной экономики посредством участия в научно-исследовательских и производственно-экспериментальных проектах передовых компаний страны.

Как это ни парадоксально, но такое понимание передового университета ведет к организационной революции всей российской системы высшего образования. Дело в том, что российские вузы ориентированы преимущественно на обучение студентов, тогда как практическая деятельность для них не является основной и вызывает, как правило, отторжение на всех уровнях кадрового обеспечения. Модель построения УВК предполагает, наоборот, жесткое разделение учебного процесса по уровням – на начальный, средний и продвинутый. Такая града-

⁴ Балацкий Е.В. (2017). Университетские эндаументы и конкурентоспособность российских вузов. М.: Буки Веди, С. 13.

ция предполагает иную кадровую стратегию, когда начальное обучение осуществляется преподавателями, обладающими хорошими педагогическими навыками, но не являющимися профессиональными исследователями, средняя ступень обеспечивается сотрудниками, обладающими основательным исследовательским опытом, а продвинутая – сотрудниками исследовательских подразделений вуза и специалистами из профильных организаций.

Таким образом, для реализации модели УВК целесообразно разделить научной и образовательной деятельности. В настоящее время к выполнению научно-исследовательских работ в российских вузах привлекаются как научно-исследовательские структуры вузов, для которых исследовательская деятельность является основным видом работы, так и ППС, для которого данный вид работы – дополнение к их достаточно большой основной преподавательской нагрузке. В связи с этим необходима принципиальная перестройка организации исследовательской деятельности в университетах, когда за выполнение научно-исследовательских работ отвечают исследовательские подразделения с привлечением, в случае необходимости, квалифицированных научно-педагогических кадров. Радикальному пересмотру в этой модели должна подвергнуться организационная схема научной деятельности. Так, необходимо создание коалиций с заказчиком (органами государственной власти), позволяющих наладить четкое взаимодействие исследовательских подразделений университета, например, с департаментами Правительства, министерствами и т. п., в результате чего указанные подразделения получают конкретные задания на выполнение. Сама же работа над заданием должна проходить при постоянном взаимодействии с курирующей структурой, которой в итоге выполняется и приемка работы. Безадресные работы не могут быть адекватно оценены в силу отсутствия заинтересованных и, как следствие, критериев оценки. Разумеется, это не означает, что в российских университетах не могут или не должны проводиться инициативные

исследования, однако таковые не будут доминантой научной деятельности УВК.

Нуждается в пересмотре и оценка эффективности деятельности структурных подразделений университетов. Ее следует осуществлять преимущественно по результатам выполнения и приемки научно-исследовательских работ и проектов. Обращение потенциальных заказчиков научных проектов к руководству университета должно запускать внутреннюю открытую процедуру отбора или создания структурного подразделения, способного качественно выполнить предполагаемую работу. При выполнении научных проектов следует отказаться от понятия временного творческого коллектива, так как такое противоречит самому наличию специализированных научных структурных подразделений. Привлечение работников из других подразделений должно происходить в рабочем порядке на основе внутренних процедур вуза.

Практиковавшиеся в предыдущие годы наукометрические подходы к оценке эффективности науки могут сохраниться в качестве вспомогательных для получения более общей информации; в целом же достижения, учитываемые этими методами, следует признать суррогатом или полуфабрикатом реальной научной работы.

Модель УВК предполагает, что к таковым относятся вузы, участвующие в проектах мирового уровня, которые полностью заменяют более размытое понятие УМК. К проектам мирового уровня относятся проекты, которые либо находятся на острие мировой науки, либо позволяют решить широкомасштабные технологические проблемы страны. Разумеется, отнесение конкретного заказа к проекту мирового уровня может осуществляться только на основе экспертных процедур.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать научную смерть такого внешне привлекательного понятия, как УМК, и тесно связанного с ним рейтингового движения. Накопленные ошибки и противо-

речия в методологии и практике построения ГРУ и ПРУ, а на их основе и Рейтингов ГРУ, уже не позволяют использовать их ни в качестве надежных источников информации, ни в качестве ориентиров для разных стран в целях понимания своих слабых мест в построении системы высшего образования. В 2022 году тенденциозность ранкеров, помимо всего прочего, наткнулась еще и на обострившееся геополитическое противостояние разных стран. СВО России на Украине послужила детонатором для раскола глобального мира и образования крупных геополитических альянсов, которые в обозримом будущем будут ориентироваться только на свои собственные маркеры развития. В этих условиях понятие УМК должно быть заменено на нечто более работоспособное и современное.

Одним из возможных решений для замены эвфемизма УМК может стать более нейтральный термин – университет высшего

класса. Тогда в качестве глобальной цели реформирования и оздоровления российской системы высшего образования должно выступать требование построения разумного числа УВК. Однако эта категория предполагает поистине революционное увеличение практико-ориентированности национальных университетов путем их встроенности в инновационно-производственные циклы передовых наукоемких компаний страны. Все прочие критерии: публикуемость, цитируемость, международная открытость вузов и пр. – могут служить лишь вспомогательными и второстепенными индикаторами деятельности университетов.

Не исключено, что в будущем, когда оформится новый центр мирового капитала и страна, взявшая на себя роль этого центра, глобальные критерии снова обретут свое былое значение, а с ними и понятие УМК. Однако пока об этом говорить слишком рано.

ЛИТЕРАТУРА

- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Арриги Дж. (2009а). Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т общественного проектирования. 456 с.
- Арриги Дж. (2009б). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Балацкий Е.В. (2014). Предпосылки глобальной геополитической инверсии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (32). С. 36–52. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.4
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2012). Глобальные рейтинги университетов: проблема манипулирования // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (13). С. 126–146.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022а). Университеты мирового класса и технологии: вопросы без ответов // Journal of New Economy. Т. 23. № 3. С. 5–27.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022б). Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм // Мир новой экономики. Т. 16. № 3. С. 81–89.
- Салми Д. (2009). Создание университетов мирового класса. М.: Весь Мир. 132 с.
- Салми Д., Фруммин И.Д. (2013). Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России // Вопросы образования. № 1. С. 25–68. DOI: 10.17323/1814-9545-2013-1-25-68
- Филиппов В.М. (2019). Рецензия на монографию: Mittelman J.H. Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education. Princeton: Princeton University Press, 2018. 262 p. // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. Т. 19. № 1. С. 165–167. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167
- Alden J., Lin G. (2004). *Benchmarking the Characteristics of a World-Class University: Developing an International Strategy at University Level*. London: Leadership Foundation for Higher Education.
- Altbach P.G. (2004). The Costs and Benefits of World-Class Universities. *Academe*, 90 (1), 20–23. DOI: 10.2307/4025258

- Altbach P.G., Salmi J. (2011). *The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities*. Washington: World Bank Publications.
- Astley J., Francis L., Sullivan J., Walker A. (2004). *The Idea of a Christian University: Essays on Theology and Higher Education*. Milton Keynes: Paternoster.
- Barnett R. (2013). *Imagining the University*. London: Routledge.
- Barnett R. (2017). *The Ecological University: A Feasible Utopia*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315194899
- Barnett R. (2020). Realizing the world-class university: An ecological approach. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 269–283. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_16
- Batty M. (2003). World class universities, world class research: What does it all mean? *Environment and Planning B: Planning and Design*, 30, 1–2. DOI: 10.1068/b3001ed
- Benner M. (2020). Becoming world class: What it means and what it does. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 25–40. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_3
- Bornmann L., Glanzel W. (2017). Applying the CSS method to bibliometric indicators used in (university) rankings. *Scientometrics*, 110 (2), 1077–1079. DOI: 10.1007/s11192-016-2198-5
- Börjesson M., Cea L.P. (2020). World class universities, rankings and the global space of international students. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 141–170. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_10
- Cazorla A., Stratta R. (2017). *La Universidad: Motor de Transformación de la Sociedad*. Spain: Grupo GESPLAN UPM (In Spain).
- Erkkilä T., Piironen O. (2020). What counts as world class? Global university rankings and shifts in institutional strategies. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 171–196. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_11
- Geuna A., Muscio F. (2009). The Governance of university knowledge transfer: A critical review of the literature. *Minerva*, 47 (1), 93–114. DOI: 10.1007/s11024-009-9118-2
- Huisman J. (2008). World-class universities. *Higher Education Policy*, 21, 1–4. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300180
- Huzzard T., Benner M., Karreman D. (2017). *The Corporatization of the Business School: Minerva Meets the Market*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315640594
- Hyvönen M. (2020). World class at all costs. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 107–121. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_8
- Khoon K.A., Shukor R., Hassan O., Saleh Z., Hamzah A., Ismail R. (2005). Hallmark of a World-Class University. *College Student Journal*, 39 (4), 765–768.
- Lavalle C., de Nicolas V.L. (2017). Peru and its new challenge in higher education: Towards a research university. *PLoS ONE*, e0182631. DOI: 10.1371/journal.pone.0182631
- Maxwell N. (2014). *How Universities Can Help Create a Wiser World: The Urgent Need for an Academic Revolution*. Exeter: Imprint Academic. DOI: 10.1111/jep.12245
- Mittelman J. (2018). *Implausible Dream: The World-Class University and Repurposing Higher Education*. USA: Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400888085
- Mohrman K., Ma W., Baker D. (2008). The research university in transition: The emerging global model. *Higher Education Policy*, 21 (1), 5–27. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300175
- Muller J.Z. (2018). *The Tyranny of Metrics*. Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.1111/1468-4446.12647
- Münch R. (2013). The colonization of the academic field by rankings: Restricting diversity and obstructing the progress of knowledge. In: Erkkilä T. (ed.). *Global University Rankings: Challenges for European Higher Education*. London: Palgrave Macmillan, 196–221. DOI: 10.1057/9781137296870_12
- Muscio A., Quaglione D., Vallanti G. (2013). Does government funding complement or substitute private research funding to universities? *Research Policy*, 42 (1), 63–75. DOI: 10.1016/j.respol.2012.04.010
- Nixon J. (2008). *Towards the Virtuous University*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203415979

- Nixon J. (2020). Disorderly identities: University rankings and the re-ordering of the academic mind. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 11–24. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_2
- Perkmann M., Walsh K. (2009). The two faces of collaboration: Impacts of university – industry relations on public research. *Industrial and Corporate Change*, 18 (6), 1033–1065. DOI: 10.1093/icc/dtp015
- Rider S. (2020). Three notions of the global. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds.). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer, 41–55. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_4
- Rigoglioso M. (2014). *The Demand for ‘World-Class Universities’: What is Driving the Race to the Top? USA*: Stanford Graduate School of Education. Available at: <https://ed.stanford.edu/news/demand-world-class-universities-what-driving-race-top>
- Rolfe G. (2013). *The University in Dissent: Scholarship in the Corporate University*. London: Routledge.
- Saldak J., Liu N.C. (eds.) (2007). *The World-Class University and Ranking: Aiming Beyond Status*. Bucharest: UNESCO-CEPES.
- Sterling S., Maxey L., Luna H. (eds.) (2014). *The Sustainable University: Progress and Prospects*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203101780
- Thoenig J.C., Paradeise C. (2016). Strategic capacity and organisational capabilities: A challenge for universities. *Minerva*, 54 (3), 293–324. DOI: 10.1007/s11024-016-9297-6
- Walton J.K. (2011). The idea of the university. In: Bailey M., Freedman D. (eds.). *The Assault on Universities: A Manifesto for Resistance*. London: Pluto Press, 15–26.
- Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. (2013). *Building World-Class Universities. Different Approaches to a Shared Goal*. Rotterdam: SensePublishers. DOI: 10.1007/978-94-6209-034-7_1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47); e-mail: evbalatskij@fa.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: naekimova@fa.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

THE CONCEPT OF WORLD-CLASS UNIVERSITIES: TIME FOR RADICAL REVISION

The article is devoted to the disclosure of the concept of the global university market and the rationale for the need to abandon the idea of a world-class university (WCU) the concept is based on. The authors have shown that in 2022, due to increased global geopolitical turbulence, the global university market began to split into local (regional) segments, and the consensus reached in the previous two decades on the criteria for leading universities was finally broken. The paper notes that the confrontation between the West and the East, which worsened in 2022, led to the destruction of

the US monopoly in the higher education market and the transformation of a homogeneous university market into a heterogeneous one, for which the WCU concept loses its former meaning. This is largely due to the denial of the former role of global university rankings, which have become completely irrelevant under international sanctions with the accompanying phenomenon of scientific ostracism of individual countries. The authors prove that the system of international university rankings leads to the formation of the effect of false prestige, when the scientific achievements of the United States and Europe are unduly exaggerated, including by imposing false ideologemes and mythologemes regarding progressive organizational models of universities. As an alternative to the WCU, the authors propose a concept of Higher Class University (HCU), which is based on the closest connection of the university with the high-tech sectors of the national economy through its participation in research and production and experimental projects of the country's leading companies. The article shows that the new concept and the adoption of the construction of a HCU set as the goal of modernizing the system of higher education in Russia leads to revolutionary changes in the organizational model of domestic universities. The authors have considered the most important aspects in the field of personnel policy during the HCUs creation.

World-class university, global university rankings, global university market.

REFERENCES

- Arrighi G. (2006). *Dolgi dvadtsatyi vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Arrighi G. (2009a). *Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya.
- Arrighi G. (2009b). Afterword to the second edition of "The Long Twentieth Century". *Prognozis=Forecast*, 1 (17), 34–50 (in Russian).
- Balatsky E.V. (2014). Prerequisites for global geopolitical inversion. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2 (32), 36–52. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.4 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2012). The global university rankings: the problem of manipulation. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii=The Journal of the New Economic Association*, 1(13), 126–146 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022a) World-class universities and technology: unanswered questions. *Journal of New Economy*, 23 (3), 5–27 (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022b) Identifying world-class universities: destructive pluralism. *Mir novoj èkonomiki=The World of New economy*, 16(3), 81–89 (in Russian).
- Salmi J. (2009). *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [The Challenge of Establishing the World Class Universities]. Moscow: Ves' Mir.
- Salmi J., Froumin I.D. (2013). Excellence initiatives to establish world-class universities: evaluation of recent experiences. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies*, 1, 25–68. DOI: 10.17323/1814-9545-2013-1-25-68 (in Russian).
- Filippov V.M. (2019). Review of the monograph: Mittelman J.H. *Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 262 p. *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnosheniya=Vestnik RUDN. International Relations*. 19(1), 165–167. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167 (in Russian).
- Alden J., Lin G. (2004). *Benchmarking the Characteristics of a World-Class University: Developing an International Strategy at University Level*. London: Leadership Foundation for Higher Education.
- Altbach P.G. (2004). The costs and benefits of world-class universities. *Academe*, 90(1), 20–23. DOI: 10.2307/4025258.
- Altbach P.G., Salmi J. (2011). *The Road to Academic Excellence: The Making of World-Class Research Universities*. Washington: World Bank Publications.
- Astley J., Francis L., Sullivan J., Walker A. (2004). *The idea of a Christian University: Essays on Theology and Higher Education*. Milton Keynes: Paternoster.

- Barnett R. (2013). *Imagining the University*. London: Routledge.
- Barnett R. (2017). *The Ecological University: A Feasible Utopia*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315194899.
- Barnett R. (2020). Realizing the world-class university: An ecological approach. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_16.
- Batty M. (2003). World class universities, world class research: What does it all mean? *Environment and Planning B: Planning and Design*, 30, 1–2. DOI: 10.1068/b3001ed.
- Benner M. (2020). Becoming world class: What it means and what it does. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_3.
- Bornmann L., Glanzel W. (2017). Applying the CSS method to bibliometric indicators used in (university) rankings. *Scientometrics*, 110 (2), 1077–1079. DOI: 10.1007/s11192-016-2198-5.
- Börjesson M., Cea L.P. (2020). World class universities, rankings and the global space of international students. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (Eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_10.
- Cazorla A., Stratta R. (2017). *La Universidad: Motor de Transformación de la Sociedad*. Spain: Grupo GESPLAN UPM (In Spanish).
- Erkkilä T., Piironen O. (2020). What counts as world class? Global university rankings and shifts in institutional strategies. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (Eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_11.
- Geuna A., Muscio F. (2009). The governance of university knowledge transfer: A critical review of the literature. *Minerva*, 47(1), 93–114. DOI: 10.1007/s11024-009-9118-2.
- Huisman J. (2008). World-class universities. *Higher Education Policy*, 21, 1–4. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300180.
- Huzzard T., Benner M., Karreman D. (2017). *The Corporatization of the business school: Minerva meets the market*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315640594.
- Hyvönen M. (2020). World class at all costs. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (Eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_8.
- Khoon K.A., Shukor R., Hassan O., Saleh Z., Hamzah A., Ismail R. (2005). Hallmark of a world-class university. *College Student Journal*, 39(4), 765–768.
- Lavalle C., de Nicolas V.L. (2017). Peru and its new challenge in higher education: Towards a research university. *PLoS ONE*, article e0182631. DOI: 10.1371/journal.pone.0182631.
- Maxwell N. (2014). *How universities can help create a wiser world: The urgent need for an academic revolution*. DOI: 10.1111/jep.12245.
- Mittelman J. (2018). *Implausible dream: The world-class university and repurposing higher education*. USA: Princeton University Press. DOI: 10.1515/9781400888085.
- Mohrman K., Ma W., Baker D. (2008). The research university in transition: The emerging global model. *Higher Education Policy*, 21(1), 5–27. DOI: 10.1057/palgrave.hep.8300175.
- Muller J.Z. (2018). *The Tyranny of Metrics*. Princeton: Princeton University Press. DOI: 10.1111/1468-4446.12647.
- Münch R. (2013). The colonization of the academic field by rankings: Restricting diversity and obstructing the progress of knowledge. In Erkkilä T. (Ed.). *Global University Rankings: Challenges for European Higher Education*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137296870_12.
- Muscio A., Quagliione D., Vallanti G. (2013). Does government funding complement or substitute private research funding to universities? *Research Policy*, 42(1), 63–75. DOI: 10.1016/j.respol.2012.04.010.
- Nixon J. (2008). *Towards the Virtuous University*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203415979.
- Nixon J. (2020). disorderly identities: University rankings and the re-ordering of the academic mind. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (Eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_2.
- Perkmann M., Walsh K. (2009). The two faces of collaboration: Impacts of university–industry relations on public research. *Industrial and Corporate Change*, 18(6), 1033–1065. DOI: 10.1093/icc/dtp015.

- Rider S. (2020). Three notions of the global. In: Rider S., Peters M.A., Hyvönen M., Besley T. (Eds). *World Class Universities. Evaluating Education: Normative Systems and Institutional Practices*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-15-7598-3_4.
- Rigoglioso M. (2014). *The Demand for 'World-Class Universities': What is Driving the Race to the Top? USA*: Stanford Graduate School of Education. Available at: <https://ed.stanford.edu/news/demand-world-class-universities-what-driving-race-top>.
- Rolfe G. (2013). *The University in Dissent: Scholarship in the Corporate University*. London: Routledge.
- Saldak J., Liu N. C. (Eds.). (2007). *The World-Class University and Ranking: Aiming beyond Status*. Bucharest: UNESCO-CEPES.
- Sterling S., Maxey L., Luna H. (Eds.). (2014). *The Sustainable University: Progress and Prospects*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203101780.
- Thoenig J.C., Paradeise C. (2016). Strategic capacity and organisational capabilities: a challenge for universities. *Minerva*, 54(3), 293–324. DOI: 10.1007/s11024-016-9297-6.
- Walton J.K. (2011). The idea of the university. In: Bailey M., Freedman D. (Eds.). *The Assault on Universities: A Manifesto for Resistance*. London: Pluto Press.
- Wang Q., Cheng Y., Liu N.C. (2013). *Building World-Class Universities. Different Approaches to a Shared Goal*. Rotterdam: SensePublishers. DOI: 10.1007/978-94-6209-034-7_1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation); e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation); e-mail: n.ekimova@bk.ru